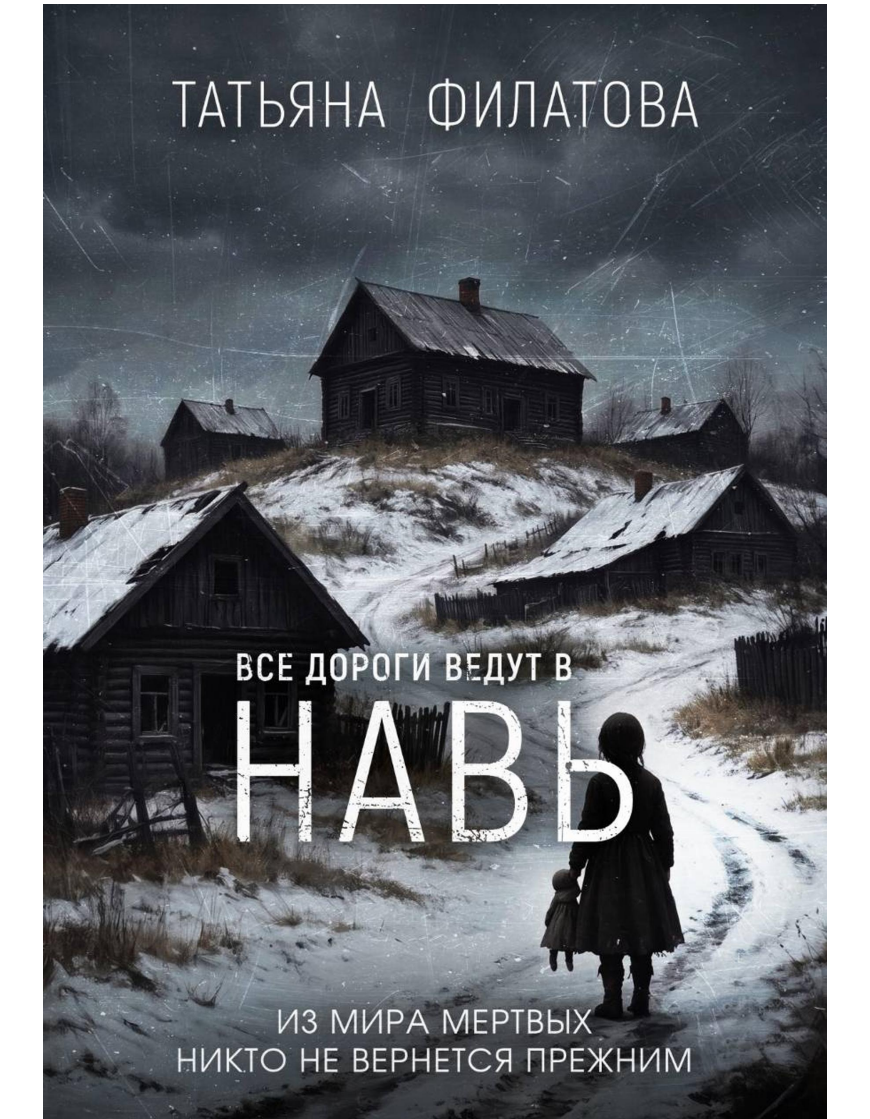

ТАТЬЯНА ФИЛАТОВА

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В

НАВЬ

ИЗ МИРА МЕРТВЫХ
НИКТО НЕ ВЕРНЕТСЯ ПРЕЖНИМ

Татьяна Филатова
Все дороги ведут в Навь
Серия «Навь», книга 3

<https://litres.ru/74308053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третья часть цикла "Навь".

Пребывание в мире мертвых не может пройти бесследно для живого человека: Сергея мучат кошмары, в каждом прохожем он боится увидеть тех, кто обитает в Нави и отнюдь не желает ему добра, а имя проклявшей его ведьмы, казалось, преследует его. И все же он пытается жить обычной жизнью, пока в собственном доме не обнаруживает куклу, что была сшита ведьмой Нави с одной целью — сокрыть в ней навеки его душу.

Но зло не было повержено — лишь изгнано в преисподнюю, из-за чего его жажда мести выросла во много раз. И Сергей это понял, когда вместо собственного дома, переступив порог, оказался там, куда никогда бы не хотел возвращаться. В Нави он встречает маленькую девочку, тело которой ведьма выбрала себе вместо утраченного, а от души избавилась, как от чего-то ненужного. И с каждым днем невинная, детская душа на глазах Сергея все больше становится частичкой мира мертвых...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Минус первый этаж	8
Глава 2. На границе миров	28
Глава 3. Деревня мертвецов	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Все дороги ведут в Навь

Пролог

По темной деревенской улице, на которой никогда не горели фонари, ведь их там попросту не было, – шла женщина с босыми ногами: темноволосая, статная, красивая. От следов на земле, куда ступали ее грязные стопы, тут же шел то ли пар, то ли дым, как если бы те были раскалены, словно металл в кузнице. В одной руке женщина несла стеклянную банку, горловина которой была плотно завязана тряпкой, а в банке той билась маленькая птичка, отчаянно желающая выбраться на волю. В другой же руке женщина держала странно шевелившийся небольшой сверток. Вдоль улицы стояли старые, полуразрушенные избы, из окон которых за босой женщиной в длинном черном платье с бархатными пуговицами на спине наблюдали десятки пар неживых глаз. Но женщину это не смущало: она не обращала на них совершенно никакого внимания, гордо шагая вперед.

Из свертка, что она несла, стали доноситься звуки, похожие на плач. К женщине подбежал то ли ребенок с изуродованным лицом и в старой грязной одежде, то ли жуткий карлик, но она, скривившись почти до неузнаваемости, изобразив на своем еще мгновение назад миловидном лице гримасу злости и ненависти, зашипела на него, словно змея, гото-

влящаяся наброситься и укусить, непременно притом отравив его своим ядом. Уродец, упав на четвереньки, стал пятиться и смеяться, словно умалишенный.

- Мое! – злобно проговорила ему женщина с извивающимся в руке свертком.

Она дошла до одной из избушек, внутри которой все покрылось толстым слоем пыли. Открыв деревянную, скрипучую дверь, женщина, от чьих босых ног теперь и на пыльном полу дымились следы, подошла к грязной постели, небрежно бросила на нее сверток и стала изучать через стекло банки птичку, что все еще билась внутри. Коварно улыбаясь, она щелкнула пальцами, и птичка тут же замертво упала на дно мутной склянки. Отставив банку, черноволосая женщина снова подошла к кровати и, склонившись над свертком с плачущим младенцем внутри, развязала узел.

- Погоди немного, - негромко сказала она младенцу и подошла к печи, открыв заслонку. Присмотревшись к пеплу, что там лежал, она что-то заметила и, потянувшись пальцами, достала оттуда человеческий зуб. Проведя языком по своим зубам во рту, женщина недовольно скривилась и бросила найденный зуб за спину через левое плечо. Она снова щелкнула пальцами, и в печи тут же вспыхнул яркий огонь, освещающий пыльную, нежилую избу. Взяв садник, женщина, ехидно ухмыляясь, подошла к кровати и уложила на тот садник хныкающего младенца, после чего направилась к печи...

Сергей громко вскрикнул, подскочив среди ночи на кровати. Простынь под ним полностью промокла, сердце его бешено колотилось, а дыхание сбилось.

- Спи, - сказал он проснувшейся от его крика жене, - просто сон страшный приснился.

Кристина что-то невнятно произнесла в ответ и, не открывая глаз, отвернувшись, вновь погрузившись в крепкий сон. Сергей же опустил ноги на прохладный пол, с облегчением понимая, что все, только что им увиденное, было лишь сном. Страшным, жутким сном, вероятно, приснившимся ему неспроста: он помнил, как, будучи в Нави, ему было видение, в котором те, кого он прозвал демонической шпаной, играли в футбол головой Гены-висельника, а безумные, кроважадные игоши пожирали плоть, очевидно, женщин, что могли бы быть их матерями. Все это Сергею было навеяно Марой, и он не сомневался: кошмары о Нави, которые его преследуют чуть ли не каждую ночь – тоже дело ее призрачных рук.

На кухне было темно, и Сергей зажег небольшую лампу над рабочей поверхностью. Наливая в стакан воду из фильтра, он услышал, за своей спиной какой-то шум: казалось, кто-то ползает по полу, быстро перебирая конечностями. Кошки у них не было. Собаки тоже. Крысы? – маловероятно, к тому же звук соответствует передвижению кого-то покрупнее. Сделав несколько глотков холодной воды и поста-

вив стакан на стол, Сергей устало обернулся. Он никого не увидел, но один из стульев, что был задвинут за стол, двинулся с места, и тогда Сергей понял: тот, кого он слышал, теперь находится под столом. А в это время за стеной спал его сын, в спальней – Кристина, и они не должны были видеть того, кто пробрался в их квартиру, а потому Сергей, вооружившись ножом, медленно подошел к обеденному столу, наклонился, чтобы самому найти и поймать существо, решившее потревожить покой его и без того настрадавшейся семьи. Но, заглянув под стол, он никого там не увидел. Удивившись и решив, что его крыша едет окончательно и бесповоротно, Сергей хотел уже подняться и выпрямиться, как тот, кто был теперь не под столом, а на столе, прыгнул прямо ему на спину.

Крича и изворачиваясь, Сергей пытался сбросить с себя мерзкого игошу, что впился в его плечи и пытался укунить за шею. Он стал биться спиной о стену, чтобы сбить с себя мерзкого, маленького демона, но вдруг услышал, как его зовут.

- Сереж! – кричала Кристина. – Сережа!

Он открыл глаза. Снова.

- Ты пугаешь меня, - сказала жена, что склонилась над ним, пытаясь разбудить. – Ты кричал и дергался, а еще ты весь вспотел.

Сергей взглянул на жену, обнял ее и закрыл глаза.

- Кошмар, - сказал он. – Мне опять приснился кошмар...

Глава 1. Минус первый этаж

Как он хотел, чтобы все, что он и его семья недавно пережили, забылось, стерлось, растворилось, будто этого никогда и не было. Но если свои негативные, малодушные поступки можно сгладить перед родными своими новыми, добрыми, искренними делами, отличными от прежних, то как забыть самому то, что видел? Как взрослому мужчине перестать бояться засыпать, чтобы снова в очередном кошмаре не встретить всю ту нечисть, что наверняка все еще желает его смерти? Как прекратить всматриваться в каждую маленькую черноволосую девочку, боясь увидеть на ее лице черные, как ночь в Нави, глаза? Как не оборачиваться, слыша каждый раз, как где-то по имени тот или иной человек обращается к некой Анастасии? Как не выглядеть подозрительным, когда на улице или в торговом центре хочется внимательно разглядеть лицо плачущего ребенка и убедиться, что это всего лишь живой младенец, которого его мама достает из коляски, чтобы успокоить?

Как снова стать нормальным?!

- Я больше никому не могу это рассказать, - негромко проговорил Сергей, сидя в квартире, расположенной на третьем этаже, на старом диване, облокотившись на собственные ноги. – Кристина говорит мне идти к психологу, а еще лучше к психиатру. Мол, таблетки попьешь, все встанет на свои ме-

ста. Но я-то ведь понимаю: расскажи я людям в белых халатах про демонов, упырей и игош... Да если я только заикнусь про тысячелетнего одержимого монаха или про ведьму, которая держала в куклах мужиков, а в банках – красивых женщин, меня не просто на таблетки посадят, а закроют вместе с Наполеонами и прочими выдающимися личностями! Скажи, что мне делать?

Наталья Львовна сидела в кресле напротив и держала в руке чашку с чаем. Ей было искренне жаль человека, что пришел к ней за помощью, но она не знала, чем могла бы ему помочь.

- Пойми, - отводя взгляд, сказала она, - каждый, кто побывал в Нави, не может вернуться прежним человеком. Ты был в мире мертвых, - она посмотрела ему в глаза, - ты был там, куда живому человеку, как правило, ход закрыт. Если верить славянским сказкам и легендам, то оттуда удавалось вернуться единицам.

- И в конце они всегда жили долго и счастливо, - усмехнулся Сергей. – Хотя прежнее «долго» весьма отличается от современных мерок.

- Да и «счастливо» тоже... - иронично отшутилась Наталья.

- Выходит, мне всю жизнь придется ходить и оглядываться?

- Или отпустить все и жить, словно ничего не было, - неуверенно ответила Наталья. – Научиться не замечать, не

придавать значения.

- Так не получается, - Сергей откинулся на спинку дивана.

- Значит, попробуй отмолить свою душу... Пойми, ее тень навсегда там. Оттого ты и видишь эти сны, чувствуешь, что Навь все еще где-то в тебе. А на самом деле это частичка тебя навсегда осталась в Нави.

- И никак ее не вернуть? – спросил Сергей.

- А как ты вернешь то, что нельзя потрогать? – ответила Наталья. – Это как разлить воду в землю, а потом пытаться собрать ее обратно в чашку. А ты разлил так много... Очень много воды...

- Лишь бы эта змея не вернулась, - прикрыв глаза руками, устало проговорил Сергей. – Почему нельзя было ее просто убить? Я же все сделал... Даже бабу-Ягу можно сжечь или просто разрубить, как человека – я знаю, я теперь начитанный, - рассмеялся он. – Чем же эта Анастасия круче самой бабу-Яги, а?

- Русские народные сказки писали выжившие, - пожала плечами Наталья. – А те сотни и тысячи, что были повержены нечистью – о них ни слова, хотя им довелось узнать больше.

- Я видел останки некоторых из них... Целая гора в лесу. А еще их души – они обитают там же. Безликие, безымянные, бесцельные... Навьи.

- И это ты побывал только в одной деревушке Нави, - заметила Наталья Львовна. – Увидел только один участок ее

бескрайнего леса.

- И что же, - задумался Сергей, - в каждом таком загробном «населенном пункте» есть свое Лихо, свой Водяной и своя Кикимора? – усмехнулся он.

- Нет, конечно... Одна и та же сущность без труда может находиться в нескольких местах одновременно. Главное, чтобы за пределы Нави они не выбирались. Кстати, ты успел до морозов поставить памятник, как хотел?

- Да, - Сергей улыбнулся. – Памятник у Гены и у его детей теперь стоит добротный. И порядок там – за могилкой приглядывают. А вообще, странно это, если честно: я поставил памятник тому, который в каком-то другом измерении ходит, разговаривает, пьет этот дурацкий, терпкий чай. Хотя теперь уже не пьет... Да и не ходит, а висит под потолком – снимать-то его каждый день теперь некому. Но все же: тот, кто для меня все еще жив, лежит на самом деле на двухметровой глубине и постепенно превращается в прах.

- Потому что смерть – это не конец, - задумчиво произнесла Наталья, - смерть – это начало нового пути, а вот куда этот путь ведет и через какие испытания он лежит – зависит от того, как мы проходим свой путь земной...

Снег в тот день падал с неба большими белыми мокрыми хлопьями, затрудняя передвижение пешеходов и почти полностью парализуя движение автотранспорта на узких улочках. Единственные, кто был рад такой погоде – это дети, ко-

которые лепили снеговиков, тащили на улицу санки и ледянки и совершенно не спешили домой. Ярослав не был исключением: проведя с родителями весь вечер на снежной горке, ему совсем не хотелось возвращаться в скучную, хотя и новую, квартиру. С большим трудом, непременно пообещав подобную прогулку и завтра, Сергей и Кристина смогли уговорить сына вернуться домой.

Они жили в новом доме, решив начать все с чистого листа: спальный район, новый жилищный комплекс, высокая новостройка. Квартира, в которой до них никто не жил: ни тебе фантомов-воспоминаний, ни тебе заблудших душ, что бродят в тени по комнатам, ни тебе домового или историй от соседей о жутких происшествиях в квартире, в которую заселилась молодая семья с ребенком – ни единого шанса повторить кошмарный сценарий классического фильма или книги ужасов. И это весьма радовало отца семейства, приоритетом для которого теперь было благополучие его семьи.

Он сказал жене, что, не раздеваясь, спустится на «минус первый» этаж, чтобы отнести в кладовую их ледянки и тюб – «ватрушку», которую уже завтра, как и ледянку, снова нужно будет доставать. Но ему это не было в тягость: впереди два выходных дня, и отдых с семьей – это именно то, чего Сергею так хотелось.

Лифт спускался с тринадцатого этажа в самый низ, и примерно на середине его пути стала мигать одна из двух потолочных ламп. Сергея это раздражало, но он изо всех сил пы-

тался не придавать этому значения. Наконец, лифт остановился, двери разъехались, и перед Сергеем открылся длинный коридор с дверями по обе стороны – с кладовыми, в которых жильцы, выкупив их, могли хранить нечасто используемые вещи. Лифт за его спиной закрылся и уехал вверх, а Сергей остался стоять в начале коридора подземного этажа.

- Прямо как в темнице Тихона, - усмехнулся он, чувствуя, что его сердце ускорило свой ритм. – Вот только дверь не третья слева...

Нужная ему дверь была седьмой справа, и Сергей уверенно к ней зашагал, доставая из кармана ключи. Открывая замок, он оглянулся: казалось, на подземном этаже в ту минуту он был один. Когда же дверь была открыта, Сергей зашел в кладовку и включил в ней свет, с облегчением выдохнув: никого.

- Дурак, - прошептал он, укладывая ледянки. – Здесь и не может никого быть. Это же Явь...

За спиной послышались шаги, и Сергей, резко обернувшись, чуть не закричал на весь подвал: прямо перед ним стоял мужчина, что был чуть старше самого Сергея. Незнакомец широко ему улыбнулся и протянул руку для приветствия.

- Напугал? – усмехнулся он. – Извините. Не хотел. Толик.

- Сергей, - ответил Сергей и пожал руку мужчине. – Тринадцатый этаж.

- Двадцатый, - улыбнулся в ответ тот. – Вот, только неделю назад заселились. Сейчас резину летнюю сюда спустил.

- Да, весьма удобно хранить, - по-идиотски улыбаясь, сказал Сергей. – С новосельем.

- Спасибо... Ну, я пошел? Или придержать лифт?

- Я задержусь, - вежливо ответил Сергей, не особо желая общаться с новым соседом: когда живешь в доме, в котором находится более пятисот квартир, последнее, что хочется – это знакомиться со всеми их жильцами.

Лифт снова открылся, и Сергей услышал, как компьютерный голос оповестил следующую остановку на двадцатом этаже. Он решил немного переставить ящики, которые стояли на полках, чтобы освободить больше места, как вдруг из коридора вновь послышались чьи-то шаги. Сергей решил, что Анатолий – его новый сосед – что-то забыл и вернулся к своей кладовой. Выглянув в коридор, посмотрев влево и вправо и никого не увидев, Сергей удивился.

- Толик? – негромко спросил он.

Вдруг замерцал свет как и в его кладовке, так и в коридоре подземного этажа. Тяжело вздохнув, Сергей пробурчал под нос:

- У меня просто паранойя... А это всего-навсего перебои.

Сказав это, он продолжил размышлять рационально, не желая озвучивать свои навязчивые мысли, домыслы и, как он сам надеялся, лишь пустые опасения. Однако факты оставались фактами: это был новый дом, в нем была новая проводка, а, значит, и перебоев здесь быть не должно.

Но они были. Спешно закрывая на замок дверь своей кла-

довой, Сергей снова услышал, как кто-то шагал, вот только не в стороне лифта, а в противоположной, где за поворотом коридора начинался новый ряд кладовых. Но, как только Сергей вытащил ключ из замочной скважины, мерцающий во всем подвальном этаже свет тут же потух.

- Нет, пожалуйста, - раздражено проговорил Сергей. – Этого мне только не хватало...

Буквально через несколько мгновений свет загорелся, но светил теперь в два или три раза тусклее, чем было до этого. Однако не полумрак так привлек к себе внимание Сергея, а то, что теперь абсолютно все двери всех кладовых были настежь открыты.

- Твою ж мать, - с неприкрытым раздражением выругался он и быстрым шагом зашагал к лифтам, стараясь не заглядывать в открытые кладовки.

Ожидаемо, хоть и совершенно нежеланно – ни один лифт невозможно было вызвать: Сергей безостановочно нажимал на кнопку, но ничего не происходило. Обернувшись, он увидел, как из чьей-то кладовой выехала небольшая игрушечная коляска, в какой маленькие девочки катают своих кукол. Глядя на нее, Сергей ни за что бы не стал к ней подходить, и тогда коляска, никем не толкаемая, сама поехала в сторону лифтов, где он и стоял, скрипя маленькими розовыми колесами.

- Это уже совершенно непохоже на сон... - со злостью в голосе проговорил Сергей, наблюдая за происходящим.

Он знал, как проверить, где сейчас находится на самом деле: он достал из своего кармана телефон и, взглянув на разблокированный экран, снова громко выругался: на экране текущей датой числилось: «01.01.1900».

Тем временем маленькая розовая игрушечная коляска, одно из четырех колес которой крутилось «восьмеркой» и противно поскрипывало, остановилась всего в метре от Сергея. Свет по-прежнему горел весьма тускло, но это был всего лишь один из множества факторов, заставляющих Сергея нервничать. Он медленно обошел маленькую коляску, боясь увидеть в ней очередного игошу, которые то и дело приходили к нему во сне, однако под раздвижным капюшоном никто не шевелился, и это вселяло хоть какую-то надежду на нормальность всего происходящего.

- Какая тут уже нормальность? – негромко сам себе проговорил Сергей, заглядывая в коляску. – О нет... - протяжно проговорил он, увидев то, что там лежало. – Нет-нет-нет... Я видел, как тебя затащили в ад... Как ты здесь?..

Низко склонившись над розовой игрушечной коляской, Сергей достал из нее тряпичную куклу, набитую соломой – ту самую, с какой почти полгода назад демон утащил в преисподнюю ведьму Анастасию.

- Мара... - сжимая в руках старинную игрушку, пробормотал Сергей. – Мара? Это ты? Издеваешься, да? То жуткие сны мне насылаешь, а теперь вот это. Или кто это, а? – Сергей стал оборачиваться и громко закричал: - Кто ты?! Почему

му вы не оставите меня в покое? Проклятие было снято!

Он швырнул куклу в одну из открытых кладовок, в которых не горел даже тот тусклый свет, что мерцал в коридоре. Двери всех коморок разом захлопнулись, а за спиной Сергея приветливо открылись двери грузового лифта, на полу которого сидела все та же хорошо ему знакомая тряпичная кукла. Он осмотрелся – идти было некуда. С конца длинного коридора лампы стали гаснуть одна за одной, словно подталкивая единственного живого человека в этом месте, направиться к лифту.

- Куда ты подевалась? – с удивлением проговорил Сергей, когда снова обернулся к лифту и не увидел там куклу, что сидела на полу кабины лишь мгновение назад.

Последняя лампа минус первого этажа новостройки, после недолгого мерцания, погасла. Пройдя мимо пустой игрушечной коляски, Сергей все же направился к по-прежнему открытому грузовому лифту, то и дело оборачиваясь и вглядываясь в темноту.

Лифт действительно был пуст, и Сергей, лишь войдя в него, тут же поспешил к панели управления, чтобы нажать на кнопку, на которой написано не совсем счастливое число, если верить суевериям, однако приказная панель отличалась, и Сергея это разозлило, но уже не удивило: не было ни одной кнопки, на которой были бы цифры, что по значению стояли бы выше нуля. Совсем наоборот: там были все числа от минус первого до минус двадцать пятого, словно дом был

выстроен не вверх, а вниз – под землю.

Сергей смотрел на эти кнопки и не хотел нажимать ни на одну из них, пока из темного коридора некогда подвально-го этажа новостройки к нему снова не стала приближаться игрушечная коляска, повернутая к нему так, чтобы Сергей прекрасно видел, что в ней снова лежит та самая кукла. Он тяжело дышал и не решался нажать куда бы то ни было, как вдруг в коляске, что остановилась у самого лифта, лежавшая тряпичная кукла с соломой внутри вдруг села, медленно наклонив голову вбок и уставившись на Сергея своими нарисованными углем глазами. Тогда уже он не выдержал и, выругавшись и отнюдь не лестно высказавшись в адрес той, что эту куклу некогда и сшила, резко нажал на кнопку, на которой было указано «минус тринадцать», понимая, что ничего хорошего ему, вероятно, это поездка на лифте, не сулит.

- Двери закрываются, - сказал привычный женский неживой голос.

Лифт тронулся, по ощущениям Сергей понял, что вниз. Свет мерцал, в висках стучало, злость, и, вопреки борьбе с собой – чувство отчаяния и обреченности – подступало к горлу. После остановки знакомый голос оповестил о том, что лифт прибыл на минус тринадцатый этаж, двери со скрипом открылись, и Сергей вновь увидел перед собой мрачный, темный коридор. Но на этот раз это был коридор его этажа – где-то здесь находится их с Кристиной новая квартира.

Он не медлил. Выбежав из лифта, в котором все так же

мерцала лампа, издавая характерные звуки, Сергей побежал к двери, за которой должны были быть его близкие, понимая, что, скорее всего, не найдет их там. Хорошо это или плохо для этого места – он не знал, но то, что все это ему не снится – это он уже для себя уяснил окончательно. Но и наяву это не могло происходить, ведь Явь – это мир живых, а Сергей определенно в тот момент находился совершенно в ином мире...

- Кристина? – негромко позвал он жену, толкая вперед незакрытую на замок дверь. – Ярик?

Внутри было темно и холодно: в открытые окна намело много снега, из-за чего вся квартира была похожа на заброшенное жилье полярников. Света не было – выключатели не работали. Сергей достал свой телефон и, проверив уровень заряда – ровно пятьдесят процентов, включил фонарик. Сомнений у него не было: ни Кристины, ни Ярослава здесь нет, и это по отношению к ним было даже неплохо, ведь он не хотел бы, чтобы они оказались в этом ужасном месте. Но ему не давал покоя другой вопрос: какого черта он сам здесь оказался?!

- Надо было ехать в лифте с Анатолием, - ходя по своей заснеженной квартире, иронично ухмыльнулся сам себе Сергей.

Он выглянул в окно, но ничего не смог разглядеть – ожидаемо, там было слишком темно. Сергей прошел в комнату сына, которую также замело, подошел к письменному столу

и, сбрасывая с него на пол снег, взял рамку, внутри которой должно было быть фото: Кристина, создавая в новом жилище уют, распечатала новую семейную фотографию, сделанную уже после их воссоединения, и поставила рамку с ней на стол сына. Но в рамке, которую Сергей теперь держал в своих руках, не было фотографии – лишь белый лист бумаги.

Вдруг во входную дверь кто-то постучал, и Сергей выронил рамку на пол.

- Надеюсь, это Толик – пришел продолжить знакомство, - вновь усмехнулся он, понимая, что снова оказался там, где желал бы никогда больше не оказываться. Открывать двери Сергей не спешил – знал, что никто, кого бы он хотел сейчас видеть, там точно не стоит, а потому он продолжил негромко размышлять вслух: - Если я все еще в своем доме, то, выходит, я могу встретить здесь призраков тех, кто в нем умер. Но дом новый, - с иронией рассмеялся он, - а, значит, это не духи людей... Это очередной демон. Валюша, к примеру... - Сергей изменился в лице, когда вспомнил жуткую черноволосую девочку. – Или Перевертыш. Или кто еще там обитает? Но мы не в вашей проклятой деревне! – раздраженно закричал он. – Проваливайте!

Стук повторился, и Сергей, от злости швырнув стол, который в другой проекции был письменным столом его сына, поспешил в коридор квартиры. Но, не дойдя до двери, он заметил на снегу следы, которые уж точно принадлежали не ему: казалось, босые детские ноги прошли от коридо-

ра в кухню. Сергей уже не просто был зол: он был в ярости. Негромко выругавшись, он, светя вперед телефоном, пошел на кухню, но никого там не увидел – следы обрывались у открытого окна.

- Чертовщина... - проговорил он и направился к выходу из квартиры, все еще не зная, куда ему идти и стоит ли вообще отсюда уходить.

В коридоре тускло светила одна лампа, что, хоть немного, но все же создавало некий намек на ощущение защищенности, ведь это все – современный, реальный мир, в котором нет места нечисти, нет места ведьмам и демонам, в котором по ночам не витают призраки, а проклятые люди не лезут ежедневно в петлю. Вот только мир, в котором в тот момент находился Сергей, отнюдь не был реальным, а если и был, то живым в нем не было места, ибо мир тот звался Навью.

Двери лифта были открыты, внутри по-прежнему мерцала лампа, но Сергей не вошел в кабину – он убрал свой телефон в карман и прошел дальше – к лестнице, чтобы проверить, куда она могла бы его вывести. Но каково же было его удивление, когда, открыв дверь, что должна была вести к ступеням, он не увидел ничего – лишь кирпичную стену, тупик.

- Ожидаемо, - с раздражением сказал Сергей. – Местный проектировщик был в прямом смысле не от Бога...

Громко хлопнув той дверью, Сергей закричал от злости и отчаяния. Он прислонился спиной к стене, сполз на пол и,

закрыв лицо руками, взвыл. Он не плакал, не кричал – он издавал стоны безысходности.

- Кто?! – закричал он, сидя на грязном полу. – Кто?!

Но ответа, как обычно, не было. Понимая, что единственная возможность покинуть этот этаж – через лифт, Сергей обреченно поднялся на ноги и зашагал к кабине. Он видел своими глазами, как демон, тысячу лет терзавший духу монаха, затащил проклявшую его ведьму в преисподнюю. Да, она не погибла – не так-то просто убить нечисть, и Сергей теперь это знал на личном опыте. Но ведь она сейчас должна гореть в аду вместе со своей проклятой куклой! Откуда же тогда здесь взялась эта набитая соломой тряпка? Откуда все это?

Он не знал ответа. Он ничего уже не понимал. Он как маленький мальчик просто хотел домой – к семье. Он устал от скитаний по миру мертвых, в котором, судя по всему, вновь оказался. Как и почему – Сергей не понимал, но очень хотел это узнать.

Он не успел ни на что нажать, как двери лифта закрылись сами по себе, и кабина снова стремительно понеслась вниз, как если бы тросы над ней оборвались. Кнопки хаотично мигали, пол под ногами, казалось, дрожал, а в зеркале, что висело за спиной Сергея, кроме него, отражалась черная тень, что словно стояла рядом. Но Сергей не видел ее – он смотрел на приказную панель, думая, куда бы нажать, чтобы кабина лифта, наконец, остановилась.

Но лифт остановился точно так же, как и начал движение – сам по себе. Лампочка над головой Сергея последний раз замерцала и погасла. Двери открылись, и компьютерный женский голос произнес:

- Лифт более не обслуживается. Просьба покинуть кабину.

Сергей, переступив порог, оказался в темном фойе своего дома, в которое, как и в его квартиру, сплошь намело снегом. Лифт же за спиной не закрылся, но оттуда раздался жуткий скрежет. Обернувшись, Сергей заметил, что кабина стоит неровно. Скрежет повторился, и на глазах Сергея грузовой лифт, в котором снова стала мерцать тусклая лампа, с громким грохотом обвалился вниз. Судя по звуку, падал он достаточно глубоко – вероятно, на все минус двадцать пять этажей, что были указаны на панели управления. Подойдя к краю шахты лифта и осторожно доставая из кармана телефон, чтобы снова включить на нем фонарик, Сергей посветил вниз. Он был прав: шахта была весьма глубокой, и дна, куда упала кабина, не было видно. Но не это удивило Сергея, а сама шахта – неровные, каменные края, словно этот проход был выдолблен чем-то кустарным или же и вовсе образовался естественным путем в каменном пласте.

Сергей взглянул на телефон.

- Только не это... - почти простонал он, когда увидел, что заряд батареи на его смартфоне уменьшился на один процент. – В прошлые разы телефон ведь не разряжался, потому

что... - Сергей задумался. – Потому что на самом деле его в Нави не было. Была лишь его проекция – проекция всех тех вещей, что были при мне в момент отправления души в Навь. Выходит...

Сергей зашел в журнал вызовов, где первым в списке стоял номер Кристины. Набрав его, он тут же услышал звуковой сигнал, оповещающий о полном отсутствии связи. Но ведь раньше и журнал вызовов был пуст!

- Если мой телефон здесь реальный, значит, и я...

Он закрыл глаза, сжал зубы, зажмурился, а уже через мгновение орал во все горло, понимая: в Нави сейчас оказалась не только его душа, а весь он. Целиком. Полностью. Даже с его телефоном.

Совладав, наконец, с собой, Сергей обреченно побрел к парадной двери – в этом доме ему больше делать было нечего, и он это понимал. Открывая дверь, он знал, что это вовсе не выход, а совсем даже наоборот – он снова входит в Навь, только теперь уже своими ногами. За дверью была зимняя ночь, и от снега, кажется, даже было немного светло. Что он отражал? Почему крошечная темнота ночи Нави преломлялась легким мерцанием, что исходило от этого снега? Да и снег ли это? Бывает ли в Нави зима? Или лето? Или весна – символ возрождения и жизни? Сергей знал, что нет. И все же здесь был снег. Переступив порог, он услышал, как за его спиной хлопнула дверь, но не так, как должна была хлопнуть дверь многоквартирного жилого дома в новом районе,

а так, как хлопает деревянная калитка в старом заборе или в избушке. Обернувшись, Сергей удостоверился, что ему не показалось: прямо за его спиной был покосившийся проем нежилой избы, в которой еле держалась перекошенная гнилая дверь, и Сергей ее определенно узнал. Он поглядел под ноги и узнал крыльцо, на котором стоял. Он заглянул внутрь старой избы, светя туда фонариком, и с иронией усмехнулся.

- Последнее место, где бы я хотел оказаться – это твой дом, Анастасия Ильинична, - проговорил он, глядя на заснеженную комнату, в которой, судя по ровным заносам, давно никто не бывал.

Сергей спустился с крыльца и оглянулся: он стоял посреди огромного снежного поля, а рядом с ним одиноко стояла изба ведьмы – той самой, что, как надеялся Сергей, должна была в этот момент находиться в преисподней – там, куда, судя по всему, и провалился лифт, которого здесь на самом деле никогда и не было. И что-то Сергею подсказывало, что его надежды на это были напрасны, а иначе кому бы еще понадобилось притащить его с того света в Навь, да еще и в телесной оболочке.

- Встрял ты, Сережа... - пробубнил себе под нос Сергей, негромко выругался и вошел в избу.

Он уже видел запустение и заброшенность, каким подвергся дом Анастасии, но его интересовало другое: где бы эта избушка сейчас ни стояла, ее подпол должен куда-то вести. Расчистив ногами на полу снег, Сергей нашел деревян-

ный люк и, приложив немало усилий, ибо тот примерз, отбросил крышку, счесав пальцы в кровь.

- Тихон, как бы я сейчас был рад тебя там увидеть... - проговорил Сергей, доставая из кармана своими замерзшими, израненными пальцами телефон и светя им вниз. – Но уж лучше увидеть безмозглую нежить или босоногую нечисть, чем это...

Сергей светил на промерзлую темную землю, какая и была под домом. Ни подвала, ни уж тем более подземной пещеры под избой Анастасии, что стояла в чистом снежном поле, не было.

- И куда же меня занесло?.. – пробормотал Сергей и, не закрывая люк, вышел на улицу. – Эй! – громко закричал он. – Я здесь! Чего тебе от меня нужно?

Но в ответ – тишина. Понимая, что совершенно не имеет значения, в какую сторону идти, Сергей пошел прямо от крыльца дома ведьмы.

- И снова иду туда, не знаю куда, - бормотал он по дороге, - должен найти то, не знаю, что... Хорошо, хоть переодеться не успел. В этом могильном холоде сразу бы окочурился.

Сергей взглянул на экран телефона: сорок шесть процентов заряда батареи. Выключив фонарик, он убрал смартфон в карман. От мерцания снега и правда было немного видно, что происходит вокруг, проблема заключалась в другом – вокруг ничего не происходило. Сергею казалось, что он – это маленькая черная точка на огромном белом пласте зем-

ли, что и землей, вероятно, не являлась. Делая шаг за шагом, Сергей со злостью, раздражением, отчаянием и горестью осознавал: Навь снова призвала его.

Глава 2. На границе миров

Он не знал, когда наступит день, и наступит ли он для него вообще. Он просто шел по бескрайнему белому полю, чувствуя, что замерзает. Сергей знал, что в Нави времена года не меняются, а, значит, нынешняя здешняя зима – это некий перформанс, выполненный специально для него, дабы усложнить его передвижение, да и выживание как таковое. Он догадывался, что к этому может быть причастна Анастасия, ведь, и Сергей на это надеялся, кроме нее, ему больше некому желать зла. И смерти.

Он шел, думая о том, где искать выход. Он мог бы здесь обратиться за помощью, разумеется, на платной основе к Наталье Святославовне, вот только где находилась та самая, знакомая ему до боли деревня, в какой и обитала Наталья Святославовна? И главный вопрос: где находился сам Сергей?

Наконец, вдали что-то показалось, что-то отличное от бесконечной тьмы и белого снега, которым и было укрыто это ровное поле.

- Дым? – удивился Сергей, видя в темноте, как вдалеке поднимались клубы светлого дыма – еще одна загадка потустороннего мира. Он тут же поспешил туда, осознавая, что, скорее всего, его ничего хорошего там не ждет. Но все же есть шанс найти хоть какие-то подсказки, чтобы понять, где

он находится, и как отсюда попасть в уже привычные ему места. Или же шанс найти здесь смерть. Впрочем, чего-чего, а вот ее – смерти – в мире мертвых всегда имеется с избытком.

Сергей догадался, что дым, безусловно, шел от печи, как это было, когда он сжег голову ведьмы, и, пройдя какое-то расстояние, убедился в этом: вдалеке стояла изба, из трубы которой и выходили клубы дыма. Более того, казалось, в одном из окон избушки, что было отвернуто от Сергея, горел свет, немного освещая снег на той стороне. Сергей иронично насмехался над ситуацией, в какой оказался, и над самим собой, потирая замерзшие пальцы и предвкушая ощущение тепла, которое непременно должно было быть в том доме.

Избушка была совсем небольшой, крыльца как такового не было – лишь пара ступенек, покрытых снегом. Но дым поднимался так же, как и из трубы дома Анастасии, а из-за закрытых ставень и впрямь прорезался свет, что горел внутри. Ступив на первую ступеньку, Сергей уже приготовился стучать, как дверь открылась перед ним сама по себе.

Внутри было просторно: без сомнений, единственная комната избушки была в несколько раз больше, чем то казалось, глядя на дом снаружи. Магия, колдовство – для Нави обычное дело. Сергей знал это, а потому постарался не выдавать своего удивления. Его никто не встретил – дверь закрылась так же, как и открылась – без чьего бы то ни было участия. Свет действительно горел: на столе стояла масляная лампа, в которой бодро плясал огонек, а в прикрытой печи,

что расположилась в центре дома, трещали дрова.

- Есть кто дома? – негромко окликнул Сергей, продолжая изучать большую, вполне жилую комнату.

От стены до стены под потолком тянулась веревка, на которой висели всевозможные сушеные травы, а еще связки из костей: судя по размеру, это были фаланги пальцев. Безусловно, человеческих. Казалось, из них сделали бусы, нанизав их огромное количество на нити. На одной из стен висели черепа, что крепились прямо к бревнам. И все бы ничего, но, увидев их, у Сергея перехватило дух, ведь черепа те были детскими. Под ними на полу стояла большая деревянная кадка, внутри которой была метла.

- Да ладно, - не выдержав, усмехнулся Сергей, когда за его спиной вдруг раздался старческий голос.

- Человечинкой запахло... - проговорила старуха. Обернувшись, Сергей увидел стоявшую рядом с ним старую ведьму. О том, что перед ним – именно ведьма, догадаться по ее внешнему виду и месту обитания было нетрудно. – Чего пришел? – недовольно спросила она.

- Я и сам не знаю, - честно ответил Сергей. – Не по своей воле, это уж точно.

- А что же ты такой безвольный, касатик? – язвительно усмехнулась старуха с крючковатым носом и худым, острым подбородком. – Неужто бабы тебе указ?

- Чем вопросы задавать бесполезные, лучше скажи: где здесь деревня, в которой гадалка Наталья Святославовна

обитают? Или же какая другая гадалка, которая за плату может провести на тонкое место.

- Ишь ты, - сказала старуха и, хромая, зашагала по комнате, - и про тонкое место он знает... Деревень здесь много, а тонкое место... Ты и так уже здесь.

- Как это? – удивился Сергей. – Если это тонкое место, выходит, я могу с чьей-то помощью отсюда попасть домой?

- Можешь, да не можешь, - снова с ехидством проговорила старуха. Сергей же, следуя за ней, увидел скамью, под которой была навалена гора всевозможной обуви: была там и обувка, какую шили несколько веков назад, были там и солдатские сапоги разных времен, были и современные ботинки. Опустив глаза и взглянув на собственную обувь, Сергей от злости сжал кулаки.

- Ты прошел в Навь своими ногами, - склонившись над раскрытым старинным сундуком и копошась там, пробурчала старуха, - вот и уйти из нее должен ногами. Это тебе ни душой парить.

- Значит, о моих прежних похождениях в этом «замечательном» месте ты в курсе... - с недоверием проговорил Сергей. – Кто ты?

- Ты знаешь, - усмехаясь, ответила старуха, - ты знаешь... Она стояла к Сергею спиной, будучи одета в старое, грязное платье и в козуху, что был накинута сверху. На ногах же ведьмы были толстые вязаные носки, и, глядя на правую ногу, что выглядывала из этого носка, Сергей ощутил накатывающую

вающее чувство страха.

- На ногу мою смотришь? – язвительно спросила старуха, доставая из сундука пыльную стеклянную банку.

- Да нет, что ты, - так же ехидно ответил Сергей. – Тоже мне – невидаль: всего лишь на голых, старых костях нет ни мышц, ни кожи – чего тут удивительного, верно?

- Верно, касатик, - по-стариковски хихикнула старуха и с банкой в руках прошла по дому в сторону печи. – Когда стоишь одной ногой в мире живых, а другой – в мире мертвых, такое случается...

Сергей в полном недоумении наблюдал за тем, как ведьма ходила по дому, прихрамывая на ногу, которая выглядела так, как если бы ее каким-то образом пришили к телу, позаимствовав ее притом у полуразложившегося трупа: на берцовых костях, какие и были видны Сергею, висели ошметки гниющего мяса да кое-где свисали оборванные и прогнившие сухожилия.

- То же самое произошло и с тобой, - продолжила говорить ведьма, протирая от пыли банку, что достала из сундука. – Ты в Навь попал дважды... Одно дело, коли ты сюда попал, когда проклят был, но вот когда ты сам сюда направился... Душа-тень – слышал о таком?

- Слышал, - ответил Сергей.

- Ну вот: это ты, только не ты. Как бы твой зеркальный двойник, который отделился от тебя, когда ты разрывал себя меж двух миров. Вот видишь: я не мертва – не нежить я.

Просто живу долго. Очень долго, - хитро заулыбалась старуха. – Но живу ведь в мире мертвых, оттого одной ногой стою на том свете, а одной, - ведьма немного приподняла грязную юбку платья, приоткрыв свою костяную ногу, – на этом.

- Ты не нежить, - усмехнулся ей в ответ Сергей, - ты нечисть. Я уже немного в вашем брате разбираюсь.

- А не все ли равно, кто тебе обед на стол подает? – с хитрой улыбкой показала старуха Сергею взятую из сундука склянку. – Ты же теперича не душонка бестелесная – ты будешь хотеть есть. Я вот люблю поесть... Да только еды немного в Нави. Оттого и живу на границе миров, дабы таких, как ты, что, заблудившись в жизни, через тонкое место попадают в смерть, как мух в паутине и отлавливать.

Взглянув на банку, что ему протягивала старуха, Сергей скривился и отпрянул: за стеклом он отчетливо разобрал вырванный с корнем человеческий язык, человеческие глаза, полностью вырезанные, вместе с щеками, губы и что-то еще – больше смотреть Сергей не смог, потому что чувствовал, как к горлу подступает тошнота.

- Что такое? – старая карга изобразила на своем лице искреннее удивление. – Не хочешь? Да ты не волнуйся: здесь все стерильно! Или ты предпочитаешь пальчики?..

Ведьма отставила банку и растянула на своем морщинистом лице жуткую, ехидную ухмылку.

- Ты что это думал? – сказала она. – Пришел из мира живых в мир мертвых во плоти и крови, без приглашения явил-

ся в дом бабы-Яги, что живет на границе тех миров, и при- том хочешь, чтобы все было, как тебе вздумается? Не бывать тому, касатик, - злобно хихикнула старуха. – И не таких, как ты, видывали. Раньше поотважнее молодцы захаживали, и все равно никто отседова своими ногами уже не ушел.

- Я здесь у тебя не останусь, - ответил Сергей. – И ботинки свои тебе не отдам.

- А куда ты уйдешь? Ты же даже не знаешь, откуда пришел.

- Знаю. Я пришел из своего дома. И в твой дом мне нужды входить вовсе не было. И все же я вошел, потому что хотел узнать, где я нахожусь и как мне вернуться в Явь. Всех своих прежних гостей ты наверняка опаивала чаем из этих травок, верно? А потом отправляла в печь. А что, если в печь я отправлю тебя?

- Сказок начитался... - лукаво улыбнулась старуха. – Умным решил заделаться.

- Я уже уяснил, что народные сказки – это просто украшенный пересказ того, что было когда-то на самом деле.

- Знаешь, что самое вкусное в человеке? – то, чем он думает, даже ежели и думать вовсе не умеет. Отправляешь в печь и ждешь, когда мозги вскипят внутри черепушки. Это с душонкой не проделать... На душу в Нави могут охотиться лишь демоны, а вот тело... До тела охочих много.

- И ты – одна из них.

- Верно, касатик, - ведьма словно наступала на Сергея. –

Вот только чаем мне поить тебя прежде того ненадобно во-все: ты и сам все сделаешь. А сейчас полезай в печку: раз от предложенной тебе трапезы ты отказываешься, то буду горячий ужин себе готовить.

- Не полезу, - сказал Сергей, шагая в сторону.

- Полезешь, - уверенно проговорила старуха, ехидно ухмыляясь, - еще как полезешь.

Пятясь, Сергей уперся в стол, на котором, обернувшись, увидел большой, острый нож. Схватив его и выставив перед собой, он уже был готов наброситься на насмехающуюся над ним ведьму, когда вдруг его собственная рука против его во-ли стала менять положение, направляя острие в грудь самого Сергея.

- Ты что делаешь, ведьма? – со злостью проговорил он, пытаясь второй рукой отодвинуть нож в другую сторону. – Ошалела?!

- Ты в Нави, - теперь уже без ухмылки и с ответной злобой в голосе сказала старуха. – Пошел прочь из моего дома – я чужое не беру. А ты не мой.

Рука Сергея, что держала нож, враз ослабла и размякла, выронив нож на пол, но прежде нанеся глубокий порез на другой его руке.

- Уходи, кому сказала! – недовольно закричала на него старуха, притопнув костяной ногой, и дверь ее избушки тут же настежь распахнулась. – Пока я не передумала.

- Ты знаешь, чей я, верно? – зажимая рану и продвигаясь

к двери, спросил Сергей. Баба-Яга снова растянула на лице хитрую улыбку.

- Все знают, - хрипло проговорила она. – Все за то тебя теперь и недолюбливают...

Сергей понимал, что сейчас самое подходящее время для побега. Куда – неважно. Потом разберется. И, как только он вышел за порог, дверь избышки за его спиной громко захлопнулась, а, обернувшись, Сергей не увидел ни света за ставнями, ни дыма из трубы. Казалось, в избе давно никто не жил. Но вот то, где стояла изба, Сергея удивило не меньше: не было поля, а был густой лес из сосен и елок, а еще снежные сугробы, что были Сергею по колено. И на поляне среди вечнозеленых деревьев и стояла изба ведьмы, которая, если не на курьих ногах, то другим колдовским способом перебралась в этот лес с того места, где Сергей ее впервые увидел.

- Ну что, внученька, - сгорбившись, хриплым голосом проговорила старуха, держа в руках окровавленный нож. – Все сделано, как и было загадано. Ох, мужики... До чего ж наивный народ: поверил, что ведьма просто так его отпускает, - смеялась она. – Как бы не так. Вот, держи...

Присев на застланную сшитым из цветных лоскутов одеялом кровать, баба-Яга, приподняв то одеяло, достала из-под него тряпичную куклу, которую не так давно Сергей видел на подземном этаже своего дома в Яви. Поднеся нож к нарисованному углем лицу куклы, ведьма дождалась, когда с острия стечет капля крови прямо на некогда светлую, а теперь гряз-

ную льняную ткань. Кровь тут же впиталась, не оставив и следа, а кукла резко дернула сперва одной рукой, затем другой, а после повернула голову так, чтобы ее нарисованные черные глаза были направлены прямо на старую ведьму.

- С возвращением, внученька, - коварно проговорила та, ехидно ухмыляясь. – Осталось лишь тело новое тебе сыскать. И у меня на примете имеется: настоящее, живое... Ну как, живое – не совсем. В лесу заблудилась, а лес ее быстро и прибрал к себе, - бормотала старуха, спускаясь в погреб, держа в одной руке лампу, в другой – куклу. – Замерзла дивчина. Видать, от родных отбилась – им на горе, нам на радость. Ее Лихо нашло: белую, околевшую... Да мне принесло. Вину чувствует, паршивец одноглазый, что голову твою сдал... Ну чего уж теперь. Вот, погляди.

В погребе, сплошь заваленном человеческими костями, на полу лежала маленькая девочка, которая, без сомнений, была мертва: накануне она с другими детьми забралась вглубь леса, да, отбившись и заблудившись, оттуда так и не вышла. А ночью опустился мороз, и пошел снег, припорошив тело ребенка, сокрыв его тем самым от глаз людских. Но не от глаз нечисти: зная, что ведьме, прах которой был сожжен, а дух силой затащен в преисподнюю – нужно новое тело, Лихо – злой дух, что не чурается ни взрослыми, ни детьми, загреб мертвую девочку и утащил ее целиком в Навь, пока в лесу Яви ее бы не отыскиали волки. А люди теперь уж и не отыщут никогда...

В объятия застывших, околевших рук старая ведьма положила тряпичную куклу, поставив на пол рядом с телом свою лампу. Закрыв глаза и подняв над насмерть замерзшим ребенком руки, ведьма стала бубнить под нос заклинания, а ее тень тем временем, отбрасываемая на стену светом от пляшущего огонька лампы, стояла недвижимо и наблюдала за проводимым ритуалом.

*Дух живой, зашитый ниткой,
В мертвой кукле – выйди вон.
За невидимой калиткой
Твой окончен будет сон.
Открывай ее скорее,
Власть былую возвращай.
И пусть тела дух старее –
Ведьму примет Навий край.
Вражья кровь бурлит под тканью –
Ее силу перейми.
Откупись кровавой данью.
Враг пусть ляжет твой костью.*

Ледяная рука маленькой девочки дрогнула, но полноценно пошевелиться не смогла: кровь в венах застыла, плоть заледенела и стала твердой, кожа утратила эластичность и мягкость. Но теплая кукла, в какой горела жизнь, подогреваемая кровью Сергея и адским пламенем, из которого ее обратно в Навь притащила Валюша, уложенная старой ведьмой прямо к груди неживого тела, грела мертвое сердце – грела магией,

колдовством, вынуждая его вновь заботиться.

- Ничего, внученька, - провела старуха рукой по кукле, - скоро... Скоро. Девчушка красивая. Жаль, глазенок не видно – веки примерзли. Думаю, что зеленые. А ежели захочешь, Настенька, так мы тебя вырастим не по дням, а по часам. Сама знаешь – и не такое умеем! Просыпайся, внученька, просыпайся...

Ведьма снова вознесла свои морщинистые руки над неживым ребенком и принялась повторять слова, сказанные ею ранее. Закончив, она, оставив на полу масляную лампу, стала подниматься в дом. Тень же ведьмина так и осталась на стене – следить за тем, как обледеневшее тело девочки постепенно меняло свой цвет от бледного серо-голубого на бледно-розовый.

Сама же Яга, обтерев о юбку своего платья измазанный человеческой кровью нож, принялась за ужин, который предлагала разделить с ней Сергеем, причмокивая да чавкая беззубым ртом.

Он шагал по снегу и проклинал тот день, когда впервые встретил Анастасию в том ее облики, в каком она однажды пред ним предстала. Легкое увлечение – не более. Так он думал тогда. Всего одна-единственная встреча, один его неверный шаг, одно легкомысленное действие – и вся жизнь теперь идет кувырком. «Лишь бы не зацепило сына, - думал по дороге Сергей, - лишь бы не пострадала Кристина».

Вдруг он остановился как вкопанный – прямо напротив него под огромной лапой елки стояла маленькая девочка. Нет, вопреки ожиданиям, основанным на опыте, это была не Валюша – казалось, перед Сергеем стоял обычный ребенок, одет к тому же вовсе не так, как была одета Валюша или другие демоны, предпочитающие использовать для своих темных нужд тела детей. Эта же девочка, которой на вид было семь-восемь лет, была одета так, словно пришла сюда из того времени, из какого пришел и Сергей.

Он стоял и смотрел на нее, а она на него. Расстояние между ними было не более пяти метров, и, как показалось Сергею, девочка его боялась.

- Ты кто? – спросил он ее.

- Я потерялась, - ответил ребенок. – Я ушла в лес с братом и сестрой и потерялась.

- Где это было? – недоверчивым тоном проговорил Сергей.

- Дома, - начиная хныкать, сказала девочка.

- Где – дома? – желал уточнить он, но ребенок начал плакать, что, правда, без слез. – В Нави не плачут... - сказал он негромко. – И детей в Нави быть не может. Хотя...

Он прекрасно помнил, как совсем недавно здесь была душа его собственного сына, украденная из мира живых и тайно пронесенная в мир мертвых. Что мешало известной ему ведьме или какой иной нечисти притащить сюда другого ребенка, нарушив правила, что были созданы такой же нечи-

стью? Но ведь и раньше Анастасия проносила в Навь живых детей, и найденные в подземелье Сергеем детские кости – тому подтверждение. Как и детские черепа в избушке Яги, которая магическим образом перенеслась из бескрайнего поля в труднопроходимый лес.

И все же Сергей знал: никому нельзя верить в Нави. Он сделал два шага вперед, приглядываясь к девочке, в чьих глазах читал страх и непонимание. Наконец, в Нави стало светлеть, однако в густом лесу все еще было весьма мрачно. Сергей видел белую, как и сам снег, кожу ребенка, видел съехавшую набекрень вязаную шапку, видел «дутую», выцветшую бледно-розовую куртку, что, казалось, была на размер меньше положенного, потертые на коленях теплые штаны и поношенные серые сапоги.

- Как тебя зовут? – спросил он.

- Таня, - испуганным голосом сказала девочка.

- Расскажи мне, что произошло.

- Мы пошли в лес, и я отстала. Мы часто ходили, но я всегда была возле братьев или сестры.

- У тебя их много?

- Три брата и одна сестра, - всхлипывая, ответила Таня.

- Почему вы были в лесу одни? – голос Сергея все еще звучал недоверчиво.

- Мама дома с младшим братиком, - подняла на него свои зеленые глаза девочка. – Ему два годика. А мы гуляем сами.

- И за вами никто не смотрит?

Девочка в ответ отрицательно замахала головой.

- Что было дальше? – спросил Сергей.

- Света обычно держит за руку меня и Максима – это мой другой младший брат, ему пять. Но я что-то увидела... Уже не помню, что. И отошла. А когда обернулась – ни Светы, ни Максима рядом не было.

- Ты сказала, что у тебя три брата?

- Да, - подтвердила девочка. – Старший брат работает днем у соседей – помогает им с коровником. Там тетя Оля заболела сильно, и им нужна помощь, поэтому Вася и бывает у них каждый день. Они его кормят и даже платят за работу.

- Но как ты оказалась здесь? – по-прежнему с подозрением спросил Сергей, хотя ему очень хотелось верить рассказу маленькой Тани.

- Я же говорю – я заблудилась, - снова захныкала она. – Я присела у дерева. Было очень холодно. Я дрожала. Помню, как зубы стучали, и ноги промокли. А потом пошел снег, и я стала плакать и громко звать сестру и брата и, кажется, уснула. А когда проснулась, то просто пошла вперед и встретила вас.

- Тебе холодно?

- Больше нет.

- Есть хочешь?

Девочка задумалась.

- Кажется, нет.

- А в туалет?

- Нет, - смущенно ответила она.

- Сколько тебе лет?

- Семь.

- В школу ходишь?

- Еще нет. Пойду в этом году.

- Отец есть?

- Нет.

- Ты знаешь, где ты?

- В лесу.

Что еще спросить, Сергей не знал. Он смотрел на девочку, и ему хотелось верить каждому ее слову. Но, ведь если она говорит правду, выходит, она умерла? Почему же тогда ее душа оказалась в Нави?

- Вы отведете меня домой? – чуть не плача, спросил ребенок.

- Мне бы самому домой попасть... - ответил Сергей. – Ладно, что-нибудь придумаем.

- Вы что, тоже заблудились? – удивилась девочка.

- Типа того... Я дядя Сережа, - неуверенно проговорил Сергей, не зная, стоит ли представляться девочке. – А где ты жила?

Таня назвала какую-то деревушку, о какой Сергей никогда в жизни не слышал. Он хотел взять ее за руку, но все же побоялся: в Нави он еще ни разу не встречал ребенка, который был бы на самом деле ребенком. Зато он имел дело с Перевертышем, с Валюшей, чье тело уже пару сотен лет экс-

плуатирует жестокий и сильный демон, со шпаной, как прозвал их Сергей – демонами-вредителями, что уродовали своей темной сущностью детские лица, и, разумеется, с игошами – младенцами, которым никогда не было суждено стать взрослыми, а вместо этого выпало скитаться лесами Нави, иногда отправляясь в мир живых, дабы отомстить там своим несостоявшимся матерям.

И вот теперь рядом с ним, увязая в снегу чуть ли не по пояс, шагает маленькая девочка, которая, если ей верить, заблудилась в лесу. В настоящем лесу – на том свете. Сергей помнил о Лихо, помнил о том, как оно заманивало и забирало себе путников. Неужто подобное произошло и с Таней?

Чем дальше они шли, тем меньше становилось снега. Сергей чувствовал, как у него урчало в животе, как уставали ноги, как в голове поселялась усталость. Ночь полностью отступила, с ней же отступал и мороз. Казалось, в Нави началась оттепель, но Сергей подозревал, что и снег, и холод здесь были кем-то подготовлены специально для него.

- Там впереди что-то есть, - указала неестественно синюшным пальчиком девочка, и Сергей присмотрелся: действительно, лес заканчивался, и за ним виднелось нечто, что он уже когда-то встречал в Нави.

- Погост... - негромко проговорил он, четко различая впереди за деревьями каменные надгробия.

- Что такое погост? – наивно переспросила девочка.

- Кладбище, - пояснил Сергей. – Старое деревенское клад-

бище, только заброшенное.

Выйдя из леса, Сергей осмотрелся – этого места он не знал. Это не было тем погостом, что располагался рядом с церковью Тихона, однако на горизонте виднелась небольшая деревушка. Снега же теперь не было совсем: лишь желтая, сухая, неживая трава, да могилы, многие из которых были то ли изначально не закопаны, то ли кем-то разрыты.

Таня подошла ближе к Сергею и, глядя на яму, что была прямо перед ними, взяла его за руку. Сергей посмотрел вниз на девочку в вязаной шапке, отметив, насколько ледяной была ее ладонь. Сомнений у него не было – девчонка не была живой, но вот была ли она его врагом?

Отодвинув девочку немного за себя, Сергей медленно подошел к первой могиле, рядом с которой лежал надгробный камень без каких-либо надписей. Как он понял, могила все же была вскрыта уже после захоронения, судя по хаотично разбросанной вокруг земле и даже доскам, какие, казалось, кто-то голыми руками вырвал из крышки лежащего на дне ямы гроба.

- Не смотри, - сказал Сергей, и девочка отвернулась. Он же присел рядом, чтобы разглядеть, кто лежал в гробу.

- Жуть какая... - проговорил он себе под нос, глядя на останки: полуистлевший скелет, на котором еще были остатки лохмотьев, некогда служившие покойному одеждой, лежал лицом вниз, вот только лицо его, а вернее – голова – было вовсе не там, где должно бы было быть. Сергей увидел

отсеченную голову, лежащую в ногах мертвеца, и лежала она действительно на том, что когда-то было лицом.

Скривившись, Сергей поднялся и подошел к следующей могиле, где картина была схожей: отрубленная голова лежала лицом вниз в ногах у покойника, но отличало эту могилу от предыдущей тем, что здесь покоилась женщина.

- В ее платье огромная дыра, - присмотревшись, сказал сам себе Сергей.

И в третьей, и в четвертой, и в последующих могилах ему представляла одна и та же картина.

- Что с ними? – испуганно спросила девочка, все же заглянув в могилы. – Почему они все без головы?

- Это упыри, - сказал ей Сергей. – По поверью, чтобы упырь уже никогда не встал, ему нужно было всадить в сердце осиновый кол и закопать, уложив тело лицом вниз. Для большей безопасности отрубали голову и укладывали ее в ноги, чтобы вампир ни при каких условиях не смог более встать из могилы.

- А почему их не закопали? – все так же с испугом, но и с просыпающимся внутри интересом, спросил ребенок.

- Их закопали, - разглядывая теперь пустой гроб, - ответил Сергей. – Но вот кто-то их раскопал... И я боюсь, - он стал осматриваться по сторонам, - что этот кто-то сейчас где-то поблизости и следит за нами.

Сергей насчитал три пустые разрытые могилы и с дюжину могил, в которых лежали обезглавленные мертвецы.

- Там дома, - сказала Таня. – Может быть, нам там помогут? У вас есть телефон?

- Поверь: в этом месте ни телефон, ни те, кто может в тех домах находиться, нам не помогут, - обреченно ответил Сергей и зашагал вперед.

- А что это за место? – наивно спросила девочка. Сергей обернулся, с тоской в глазах посмотрел на ее неестественно бледное лицо и сказал:

- Навь.

Глава 3. Деревня мертвецов

Домов было немного, и все они стояли хаотично: не было ни улиц, ни проулков. В деревне, в которой обитала Анастасия Ильинична, нечисть, там осевшая, создавала видимость порядка и определенного устоя, здесь же все выглядело так, словно на столетие назад заброшенное поселение неоднократно совершались вражеские набеги. Вот только в Нави у нечисти врагов нет, впрочем, как и друзей.

- Ведьма говорила, что там – граница миров, еще одно тонкое место, - проходя между избами и осторожно заглядывая в окна, сказал Сергей.

- Что значит: «тонкое место»? – спросила его девочка.

- Это значит, что нечистая сила может на том участке с легкостью попадать в мир живых и протаскивать живых людей в Навь.

- Я ничего не поняла, - нахмурила брови Таня.

- И не нужно тебе всего этого понимать, - ответил Сергей.
– Просто представь, что за забором живет злая соседская собака, которая ворует по ночам кур. И вот ты думаешь: как она это делает? А она просто знает место, где в заборе можно легко отодвинуть лапой одну доску и пробраться в твой огород. Понимаешь?

- Понимаю, - кивнула Таня. – Мама один раз так к соседям пробиралась ночью за курочкой.

Сергей удивленно посмотрел на ребенка, что выглядел вполне искренне, но не стал сказанное им комментировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.